

Ольга Шиманская

кандидат философских наук, доцент Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова

РЕФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Цель статьи — исследовать, что такое реформация в контексте российской истории и истории Русской православной церкви. Автор придерживается сочетания двух методологических подходов: цивилизационного и постмарксистского, поскольку, с его точки зрения, нет жёсткого конфликта между ними, скорее они взаимодополняют друг друга. С точки зрения цивилизационного подхода к истории, Западноевропейская и Российская цивилизации имеют разные ценностные основания, собственную внутреннюю логику развития, которая не отрицает взаимное культурное влияние и усиление межцивилизационного взаимодействия. В макроисторическом процессе следует отметить и наличие общеисторических и культурных универсалий: восходящих линий развития цивилизационных процессов, переселений народов, реформ, кризисов, цивилизационных трансформаций. К таким общеисторическим универсалиям можно отнести Реформацию и Революцию. Европа продемонстрировала взаимосвязь реформационных процессов, религиозных, крестьянских, национально-освободительных войн и буржуазных революций (Ни-

дерландская 1566-1609, Английская 1640-1649, Французская 1889-1894) на пути к становлению индустриального общества.

Предреформационные духовные искания в Европе и Реформация, начатая Лютером в 1517 г., оказали непосредственное влияние и на общественную мысль Московского царства. Рубеж XV-XVI вв. и весь XVI в. были временем бурного развития различных еретических антитринитарных учений рационалистического плана, отрицавших церковную иерархию, таинства, владение церковью имуществом, склонных к иконоборчеству — жидовствующие (Новгород, св. Алексей, Денис), ересь Феодосия Косого, ересь Матвея Башкина. Ереси оказали влияние на развитие русской гуманистической мысли своей эпохи — творчество И. С. Пересветова, Ивана Фёдорова, Петра Мстиславца, Ивана-Волка Курицына, Ивана Чёрного.

Эпоха модернизации, последовавшая за цивилизационным кризисом Смутного времени, на начальном этапе была связана с восстановлением национальной государственности на народно-консервативных основаниях. Второе ополчение К. Минина и Д. Пожарского, Земский собор 1613 г. и избрание Романовых на царство. Однако объективная логика межкультурного взаимодействия: расширение на запад и воссоединение с Украиной в 1654 г., борьба за выход к морю требовала технического перевооружения армии, эволюции государственного строя и идеологии. Европеизация русской культуры при Алексее Михайловиче потребовала реформы церкви, которая была начата с 1653 г. Патриархом Никоном.

Церковная реформа 1653 г., проведённая по принятому в других православных церквях Иерусалимскому уставу (в то время как в Русской православной церкви утвердился Студийский устав), повлекла за собой мощное и социально разнородное движение раскола. Расколоучителя Аввакум Петров, Иван Неронов, Корнилий Выговский, Лазарь, Фёдор, Епифаний требовали возвращения к «старине», чистоты Писания и церковного искусства, отказа от владения церковным имуществом, не признавали богочеловеческую светскую и церковную власть, отказывались молиться за царя. Ряд гонений, отлучение раскольников от церкви в 1666 г., репрессивные акты 1686 г. не сломили их, в раскол ушло, по мнению исследователей, не менее 30% населения России второй половины XVII в.

Старообрядчество, вышедшее из недр раскола русской церкви и организационно оформившееся в XVIII в. двумя направлениями (беглопоповское и беспоповское) сыграло в истории России роль, во многом схожую с протестантами Европы. Старообрядцы культивировали приходскую жизнь, беспоповцы выдвинули тезис «каждый мирянин может быть священником», для них характерна была грамотность и активность в трудовой деятельности, обусловленная необходимостью выплаты двойного

подушного налога и косвенными налоговыми поборами. В 1846 г. возникла поповская Белокриницкая иерархия в старообрядчестве, связанная с положившим ей начало митрополитом Амвросием (Паппа-Георгополи, 1791-1863), перешедшим из православия в старообрядчество.

К началу системных реформ Александра II в развитии экономики России доля старообрядческого капитала составляла, по мнению разных исследователей, от 60 до 80 %. При этом старообрядцы воспринимали богатство как дар от Бога, которым необходимо распорядиться во благо людям. Широкое развитие получило меценатство старообрядческих семей. Однако в ранжировании религий Российской империи умеренные старообрядцы относились к категории терпимых вероисповеданий, а радикальные беспоповцы к нетерпимым. Таким образом, потенциал старообрядческой духовности, производственного уклада, социального строя не был востребован в ходе буржуазных реформ.

Старообрядцы культивировали приходскую жизнь, беспоповцы выдвинули тезис «каждый мирянин может быть священником», для них характерна была грамотность и активность в трудовой деятельности.

К началу XX столетия православие являлось наиболее массовым вероисповеданием в России. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 года, численность православных составляла 87,3 млн. человек, или 69,5% населения империи. Несомненно, перепись населения зафиксировала лишь формальную принадлежность к Русской православной церкви, но это вовсе не отрицает того факта, что православная церковь располагала самой массовой аудиторией в стране.

В 1905 г. в России действовало в количественном выражении¹:

- православных церквей — 48375;
- мужских монастырей — 267;
- женских монастырей — 208;
- духовных Академий — 4;
- численность белого духовенства достигло 103 437 человек.

Православная церковь, таким образом, представляла собой многочисленную и разветвленную организацию, имеющую положение «первенствующей» по отношению к другим конфессиям. Однако господствующая церковь лишь с первого взгляда казалась единой и сильной организацией:

¹ Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 380-381.

будучи тесно связанной в самодержавием, она находилась в состоянии глубокого кризиса.

Кризисные тенденции в православии порождались как политическими, так и духовными факторами. После петровских преобразований православие находилось в полной зависимости от государственной власти. Охранительная политика и ориентация на святоотеческий авторитет приводили к тому, что оригинальные богословские произведения запрещались цензурой. Социальной доктриной церкви продолжала оставаться «теология порядка», освящение существующих социальных отношений, чему причиной был ряд объективных факторов.

Российское общество, начиная с Петра I, несмотря на отдельные потрясения, все же до середины XIX века развивалось относительно стабильно. Перемены в области социальных отношений, при необходимости, шли от верховного суверена — царя, который рассматривался как помазанник божий на земле. Преимущественным носителем активности во всех сферах жизни общества выступала государственная бюрократия во главе с царем. С отменой в 1721 году патриаршества и установлением Святейшего Синода была устранена не только оппозиционность, но и любая самостоятельность церкви. Русская православная церковь на два века становится «ведомством православного исповедания», структурой, подчиненной госаппарату. Церковные круги вынуждены были обосновать сложившееся взаимоотношение между церковью и государством, опираясь на святоотеческий авторитет.

Начало критике социальной доктрины православия положили труды славянофилов. Славянофилы, выдвигая на первый план ценность православных истин и их мессианский характер, воплощенный в соборности, присущей русскому народу, положили начало критике в отечественной философии исторического православия, его положения в государстве и отношения к обществу и науке. Это критическое направление получило развитие во взглядах религиозных философов как внецерковных, так и богословов, несущих служение в духовных школах и академиях. А наиболее дальновидные и мыслящие деятели православия уже в 60-е годы XIX века увидели в идеологии славянофильства средство «обмирщить» православие, приблизить его к насущным задачам дня, преодолеть раскол церковного и светского. Архимандрит Феодор Бухарев, цензор духовных книг, ученик Митрополита Филарета (Дроздова) заслужил в С.-Петербурге, по словам Н. П. Гилярова-Платонова, репутацию «либеральнейшего из духовных цензоров». В 1860 г. были изданы его книги «О православии в отношении к современности», «Несколько слов о святом апостоле Павле», «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 г.». В них выразились основные черты богословской системы Бухарева, стремившегося распространить

истины христианства на все сферы жизни, пытавшегося искать «мерцания Божия света» и во внешне нехристианских явлениях современности, вплоть до сочинений радикально настроенных писателей и критиков. Необычные взгляды Бухарева стали подвергаться нападкам со стороны редактора популярного еженедельника «Домашняя беседа для народного чтения» В. И. Аскоченского. Он обвинил Бухарева в защите «изгари современности» и назвал его «новым Лютером», «цивилизатором», «прогрессистом» и т.п. В результате, Бухарев был освобождён от должности цензора, отослан из Петербурга, а впоследствии вышел и из духовного сана и даже женился².

К 80-м годам XIX века формируется либерально-обновленческое движение в среде богословов и духовенства, к началу XX века идеологи движения (св. Г. Петров, еп. Сергей (Страгородский) и др.) выработали определенную концепцию развития церкви: восстановление патриаршества, повышение роли мирян в жизни церкви, создание оригинального богословия Русской православной церкви, изменение цензурного устава. Богословие к началу XX века несколько приблизилось к жизни, но все же *«сохранило в своей основе аскетическо-спиритуалистическую направленность, оставаясь преимущественно этикой религиозного индивидуализма»*³. Наиболее дальновидные представители церкви в этих условиях видели возможность развития православия на пути сближения его с общечеловеческой культурой, интеллигенцией.

Своего рода итогом развития либерально-обновленческого направления в конце XIX века явилась работа архимандрита, будущего Патриарха Московского, Сергея (Страгородского) «Православное учение о спасении» — в ней он, сохраняя преемственность в богословии, делает попытку актуализировать религиозную проблематику. На определенном этапе формирования социальных установок православия ряд деятелей из числа обновленцев в качестве своих сторонников были склонны рассматривать религиозно настроенных интеллигентов, с которыми их объединяла оппозиционность существующему режиму, несогласие с положением церкви в качестве «ведомства православного исповедания», апелляция к высшим моральным нормам, зафиксированным в Евангелии. Все это сделало возможным диалог представителей церкви и интеллигенции, состоявшийся в ходе Петербургских религиозно-философских собраний 1901-1903 гг.

В конце XIX-начале XX века в кругах творческой интеллигенции начинается отход от традиционных ценностей позитивизма, основы

² Поступил вполне по-лютеровски.

³ Красников Н. П. Социально-этические воззрения русского православия в XX веке. Киев, 1988. С.13.

идеологии шестидесятников: от социально-направленного критического реализма к индивидуализму, нашедшему выражение в творчестве символистов. Это привело к «новой форме исканий» — религиозной. Религия постепенно перестает в кругах образованных восприниматься однозначно как реакция. По этому поводу поэт и писатель Н. Минский писал в статье «Новый путь» и «путь сатанинский»: *«Мы избрали путь мистического познания, путь, ведущий к примирению свободомыслия и религиозности... мы старым путем называем путь позитивизма, духовной неосвященности и этому старому пути противопоставили новый путь религиозной глубины и внутреннего откровения»*⁴.

В среде религиозно настроенной интеллигенции поднимаются вопросы о церкви мистической и исторической, ее роли, судьбах, задачах. Складываются разрозненные кружки, концентрирующиеся вокруг писателя Д.С. Мережковского и его жены — поэтессы Зинаиды Гиппиус и философа В.В. Розанова, позже появляется идея религиозно-философских собраний.

Собрания 1901-1903 гг. явились не только вехой в развитии русской религиозной мысли, но и её закономерным этапом, первой широкомащтабной встречей представителей православия и интеллигенции в истории России. Причины их появления были сложны и многообразны:

1. Кризис рационализма и поиск новых ценностных оснований для развития культуры.
2. Возросшая на рубеже XIX-XX веков конфликтность российского общества и попытка представителей творческой интеллигенции примирить её в обращении к отечественной культурной традиции, основанной на православии.
3. Попытка наиболее дальновидных представителей православия озвучить своё несогласие с существованием Русской православной церкви в качестве «ведомства православного исповедания» и получить шанс на формирование новой структуры государственно-церковных отношений, прежде всего, восстановления патриаршества. Это могло бы дать импульс для развития богословия, воплощения соборных начал в жизни православных приходов и церкви в целом, в свою очередь, могло бы изменить в лучшую сторону отношение общества к церкви.

Учредителями собраний и ходатаями перед обер-прокурором Синода и митрополитом Антонием (Вадковским) выступили: Д. Мережковский, Д. Философов, В. Тернавцев, В. Миролюбов и В. Розанов. В качестве делегатов к митрополиту Антонию к ним присоединились художники А. Бенуа

⁴ Минский Н. «Новый путь» и «путь сатанинский» // Новый путь. 1903. № 4. С. 198.

и Л. Бакст. Собrania были разрешены в октябре 1901 г. из миссионерских соображений с основной целью — повлиять на «мятежную» интеллигенцию. А учредители ждали от церкви новой «правды о земле». Это различие в целях сказывалось на протяжении всех дискуссий, но надежда на «миссию» в среде интеллигенции у синодальной бюрократии способствовала положительному решению в вопросе об их открытии. Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) сочувствовал идее Собраний и назначил их председателем одного из лидеров либерально-обновленческого направления ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии епископа Ямбургского Сергия (Страгородского). Его личность и духовный авторитет во многом способствовали успеху Собраний. Как писал позже Д.С.Мережковский: «дух пастыря почил на пастве и определил счастливый и совершенно неожиданный успех собраний... Епископ духом своим показал, как надо вести себя: своего не искать, а чужое беречь... Тщеславие и самолюбие умерли, а забила живая струя духовных интересов»⁵.

Открылись собрания 29 ноября 1907 года: «Это была новая встреча интеллигенции с Церковью, после бурного опыта нигилизма, отречения и забвения»⁶. Всего за зиму 1901-1902, 1902-1903 годов было проведено 22 собрания. Стенографические отчеты собраний публиковались в журнале «Новый путь» за 1903-1904 гг. и имели широкий общественный резонанс. Дискуссии затрагивали проблемы: семьи и брака в связи с критикой официального аскетизма, личности и общества, свободы совести и целей социального служения церкви. Темы, затронутые в дискуссиях, сыграли роль катализатора в выработке принципов подхода к социуму Русской православной церковью, как в предреволюционные годы, так и в дальнейшем. В православном богословии начала XX века можно выделить три течения:

1. Ортодоксально-консервативное или фундаменталистское — синодальная редакция «Миссионерского обозрения».
2. Новаторское или либерально-обновленческое — еп. Сергий (Страгородский).
3. Обновленческо-модернистское — В. А. Тернавцев, Влад. и Вас. Успенские, А. В. Карташёв.

Модернистское направление станет впоследствии теоретической основой для возникновения российского варианта христианского социализма начала XX века.

В процессе дискуссии стремление к социализации православия идейно оформилось окончательно и отчасти — организационно, сплотив единомышленников.

⁵ Мережковский Д. С. Революция и религия. М., 1907. С. 25.

⁶ Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 470.

С 1905 года в ряде городов образуются религиозно-философские общества, ставившие перед собой в качестве одной из задач сближение православных традиций и внеконфессиональных религиозных исканий интеллигенции, философии и богословия. Журнал «Вера и разум» дает им напутствие: «И в добрый час! Подайте голодающим этого насыщающего хлеба!»⁷. Богословами сознается, что между светской интеллигенцией и духовенством образовалась такая пропасть недоразумений, «которую невозможно преодолеть единичными попытками сближения отдельных личностей с той или другой стороны. Того, что создано путем продолжительного исторического процесса, нельзя изменить добрыми пожеланиями. Необходима систематическая реакция, направленная на разрушение уродливого результата, созданного историей»⁸. Эту систематическую работу в предреволюционные десятилетия выполняли богословско-философские журналы: «Богословский вестник», «Вера и разум», «Странник», «Вопросы жизни». В марте 1907 года в Петербурге было открыто религиозно-философское общество, явившееся генетическим преемником религиозно-философских собраний.

Однако наиболее зримые очертания движение за обновление церкви получило в деятельности Предсоборного совещания, созванного царем по просьбе Синода в марте 1906 года. Предсоборное присутствие заседало до декабря 1906 года с участием епископов, духовенства, ученых и общественных деятелей, под председательством Петербургского митрополита Антония (Вадковского). Была проделана колоссальная работа по подготовке реформы церкви на предстоящем Соборе. Предлагалось полное переустройство церкви на принципах соборности. Большинство участников Присутствия были за восстановление Патриаршества. Восстановить автономию и мирское самоуправление прихода как основной ячейки соборности церкви, расширить участие церкви в общественной жизни страны (вплоть до создания предвыборных блоков в Государственную Думу), перестроить богословское образование, сделав его всесловным. В Предсоборном присутствии полагали, что необходима независимость церкви от государства, поэтому были разработаны четкие рекомендации из 12 пунктов по обособлению церкви от государственных учреждений и определению ее прерогатив в отношениях с государством. Двенадцатым пунктом было новое определение главы государства в его отношении к Церкви: император, как православный государь, является верховным покровителем Православной церкви и охранителем ее благосостояния. Но на все эти предложения последовала резолюция царя от 25 апреля 1907 года — Собор не

⁷ Вера и разум. 1905. № 22. С. 622.

⁸ Церковный вестник. СПб. 1905. № 3. С. 74.

созывать до особого распоряжения. Царь остался глух к голосу деятелей церкви. Таким образом, реформы 1905-1906 годов, в какой-то мере преобразовавшие мирские сферы русской жизни, практически обошли церковь. Церковь осталась в ведении Синода и его бюрократии, но ее все же не обошел дух времени — церковь вышла из изоляции. Здесь большое значение имеет факт выбора духовенства в Думу, который, вскоре, опроверг распространенное мнение о его реакционности.

В Первую Думу было выбрано 6 священников и 2 епископа. Епископы примкнули к правым, священники к левым и центру. Во Второй Думе 2 епископа и 11 священников, из которых 3 кадета и 3 эсера. С изменением избирательного ценза после Столыпинского переворота 1907 года, голоса священников все более смещаются вправо, т. к. им было категорически запрещено присоединяться к крайне левым партиям. «Поправление» священников в четвертой Думе было достаточно условным, т. к. в годы Первой мировой войны большинство их присоединяются к Прогрессивному блоку в Думе, т.е. к тому оппозиционному блоку, из среды которого рождается Временный комитет и идея добиться отречения государя.

Формально, церковь вступала в революционную эпоху как мощная организация. По официальным данным к 1914 году в Российской империи было 117 млн. православных христиан.

В 1914 году в России действовало⁹:

- православных церквей — 48 тыс.;
- семинарий — 58;
- монастырей — более 1000;
- число монашествующих — около 95 тыс. чел.
- численность белого духовенства — более 50 тыс. чел.

На начало XX века приходится расцвет православного богословия и русской религиозной философии. Но в условиях общего распада государственности Русская православная церковь осталась без инфраструктуры, без канонического главы церкви и виной тому было самодержавие. В августе 1917 года созывается Поместный Собор Русской Православной церкви, призванный решить наряду с другими два основных вопроса:

Собрания 1901-1903 гг. явились не только вехой в развитии русской религиозной мысли, но и её закономерным этапом, первой широкомасштабной встречей представителей православия и интеллигенции в истории России.

⁹ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке, М, 1995. С. 35.

об управлении церкви, отношении церкви к революции. По вопросу об управлении церковью идет дискуссия между сторонниками коллегиального управления церковью и сторонниками воссоздания патриаршества.

Основные деяния Собора: выпуск уставов новой соборной структуры всей Церкви и выбор Патриарха. Устанавливались сроки созыва Собора — не реже одного раза в три года. Собор избрал патриарха: сначала было избрано три кандидата, затем по обычаю древней церкви бросили жребий — жребий пал на Тихона Белавина — Митрополита Московского.

После Великой Октябрьской социалистической революции православная церковь оказалась в очень сложной ситуации. По Декрету о земле от 8 ноября 1917 года церковь и духовенство лишались права собственности на землю.

11 декабря 1917 года вышел Декрет о передаче всех церковных школ в комиссариат просвещения.

Церковь лишается всех семинарий, академий и их имущества.

18 декабря 1917 года аннулируется церковный брак и вводится гражданский.

20 января 1918 года появляется Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви.

2 февраля 1918 года церковь лишается всего имущества, движимого

и недвижимого и права владеть им. У церкви было изъято 6 тысяч храмов и монастырей — они передавались под охрану государства как памятники истории и культуры.

Неправомочно обвинять церковь в изначальном антисоветизме, даже в ходе революционных боев — 11 ноября 1917 года — Собор принимает решение об отпевании погибших с обеих сторон: и «красных» и «белых». Собор обращается ко всему русскому народу покаяться в грехе братоубийства.

Наиболее зримые очертания движение за обновление церкви получило в деятельности Предсоборного совещания, созванного царем по просьбе Синода в марте 1906 года.

И все же нельзя не признать, что в ходе революции и войн от религии отошла наиболее социально активная и образованная часть верующих. Последователями православия остаются лишь те люди, которые не мыслили своей жизни вне «церковной ограды». Православная паства в 20–30-е годы заметно постарела, в ее среде стали преобладать сторонники традиции. В 20-е годы государством, имеющим атеистическую доктрину, был спровоцирован обновленческий раскол, когда группа духовенства в составе А. И. Введенского, В. Д. Красницкого,

Е. Н. Белкова, архимандрита Антония (Грановского) выступила за пересмотр догматики, этики, литургики, каноники и прочего, то есть за полную и радикальную реформу церкви. Однако Обновленческий Поместный собор 1923 года показал даже в среде обновленцев преобладание умеренных элементов, так как из большого числа предлагаемых новаций основным контингентом мирян и клира была принята лишь демократизация церковного управления, без изменения каких-либо вероучительных основ православия.

После деклараций патриарха Тихона 1923 и 1925 годов, провозгласивших принцип аполитичности церкви, обновленческое движение окончательно пошло на спад. Следует согласиться с выводом советского религиоведа П. К. Курочкина о том, что обновленческое движение «взяло чересчур быстрый темп в осуществлении перестройки православия, не сообразуясь с характером массового религиозного сознания»¹⁰. Таким образом, крах обновленческого движения как раз подтвердил, по мнению церковного руководства, опасность новаторства. Это еще в большей степени обусловило приверженность церковного института фундаментализму.

Православный фундаментализм послереволюционного времени тесно связан с процессом ломки общественных отношений и изменением в них роли церкви. Верность в следовании традиции являлась как бы естественной реакцией торможения части социального организма, в данном случае православной церкви, на резкое изменение принципов функционирования, в условиях нашей страны осложненных репрессиями в отношении духовенства в 20-30-е годы.

Заключение: Реформация-Революция — культурфилософские универсалии в контексте российских реалий. Реформация в общем виде — это, прежде всего, реакция на кризис теоцентризма традиционной церкви, её тотальную беспомощность перед бурным всплеском светской культуры с её антропоцентризмом и альтернативной духовностью личностного саморазвития. Лютер *«освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека»*¹¹. Вот откуда берёт своё начало радикальная критика внешней церковности, которая, как известно, к началу XX в. в России достигла своего апогея. Её носителем стал целый духовный орден русской интеллигенции, а затем и массовое народное движение реформационного типа, вошедшее в историю, как утверждают В.Д.Жукоцкий и З.Р.Жукоцкая,

¹⁰ Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. М., 1971, С. 75.

¹¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Соч. Т.1. М., 2000, С. 422.

**После великой эпохи
Просвещения русская
реформация могла быть
только воинственно
атеистической.**

под кодовым названием «советизм» или «большевизм»¹².

Проблематика духовной Реформации пронизывает собой череду эпох и столетий. Она может менять формы и даже идеологические конструкции, но она, как истинная универсалия культуры, присутствует во все времена. Культурологический статус Реформации выражает фундаментальную идею эволюции культурных форм от жёст-

ко догматических, представленных в ореоле святости и коллективного обрядового действия, ко всё более свободным, критическим и самостоятельным, открывающим святость в акте индивидуального творческого деяния, имеющего конкретного или абстрактного адресата в пространстве духовной культуры. В этом смысле сами понятия протестант-протестантизм обретают уже не только религиозное и конкретно-историческое звучание, а статус культурологической категории, выражающей генетически заданное право человека на протест, на решительное обновление данных ему от рождения культурных форм.

Символична симметрия двух великих дат в истории человечества: 1517 и 1917 годы. Начало европейской и русской реформации разделяют четыре столетия. Именно разность эпох предопределила и разность идеологического наполнения реформационных мехов. После великой эпохи Просвещения русская реформация могла быть только воинственно атеистической, но предметом реформации оставался всё тот же патриархальный склад догматического вероисповедания и образа жизни. Восторги и ужасы русской революции пробуждали в людях ощущение грандиозности совершающегося события, религиозно-реформационное чувство внутренней свободы. Массы были охвачены религиозным энтузиазмом строительства нового, никогда не бывшего ранее мира. Сама установка на бытие «человека вне собственности» была аскетически-религиозной. Реформация 1517 г. и Революция 1917 г. пробудили массовое религиозное движение, ибо у секулярного движения масс те же архетипические черты. В утверждении своей системы ценностей протестантизм большевиков попытался сокрушить все предшествующие ему религиозные формы и делал это с ожесточением религиозных войн и нетерпимостью к инакомыслию.

¹² Жукоцкий В. Д., Жукоцкая З. Р. Русская Реформация XX века: статьи по культурфилософии советизма. М., 2008. С. 30.